

Черткова О.М.

ЧТО ТАКОЕ «КОГНИТИВНАЯ» И «КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ» МЕТАФОРА

Белорусский государственный медицинский университет

Минск, Беларусь

Аннотация. В статье рассматривается трактовка терминов «когнитивный» и «концептуальный» применительно к метафоре в ранний период утверждения когнитивной парадигмы в России (начиная с 80-х гг. XX в.) и в американской когнитивной лингвистике. Показано, что в тот период термины имели разное содержание.

Ключевые слова: когнитивная и концептуальная метафора, ментальная проекция, нейронные связи.

Chartkova O.M.

WHAT ARE “COGNITIVE” AND “CONCEPTUAL” METAPHOR

Belarusian State Medical University

Minsk, Belarus

Abstract. The article discusses the use of the terms «cognitive metaphor» and «conceptual metaphor» in the last decades of the 20th century in Russian and American linguistics. It argues that the terms had quite different meanings in Russia and abroad.

Keywords: cognitive metaphor, conceptual metaphor, mental projection, neural nets.

Термины «когнитивная» и «концептуальная» метафора вошли в обиход отечественных лингвистов в середине 80-х гг. XX в. задолго до широкого признания когнитивной парадигмы и теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа [13, с. 12]. Проникновению терминов во многом способствовали переводные работы зарубежных авторов о метафоре в рамках направления, которое в дальнейшем получило название «первого этапа когнитивной лингвистики» (примерно в 1960-1980 гг., до появления работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» (1980). Труды некоторых из ведущих представителей этого направления вошли в сборник «Теория метафоры» (1990). Идеи когнитивной семантики стали революционными для американской лингвистики, находившейся прежде под влиянием структурной лингвистики Н. Хомского. Когнитивные исследования нашли отклик и в российской среде. Так, идея о метафоре как, прежде всего, идеальной сущности (когнитивного явления), реализующейся в языковой форме, оказалась созвучной советским и позднее российским лингвистам, которые привыкли в силу лингвистических традиций и идеологических установок материализма мыслить в терминах связи языка и мышления.

Когнитивное направление отечественной лингвистики на современном этапе имеет существенные отличия как от исследований американской школы

когнитивной лингвистики (где оно зародилось и оформилось), так и от европейских работ. Объяснение причин различий и сути самого направления можно найти в работе Т.Г. Скребцовой, которая пишет: «отечественные лингвисты ... в силу недостаточной осведомленности... зачастую искаженно представляют суть данного (когнитивного – О.Ч.) направления» [7, с. 4].

В полной мере это относится и к метафоре. Если кратко, то на сегодняшний день в России имеются фундаментальные отечественные работы, выполненные в рамках собственно когнитивной парадигмы. Они во многом строятся на постулатах когнитивной метафорологии и соответствуют заявленной проблематике [2; 3]. С другой стороны, накоплено множество ценных работ, созданных в докогнитивный период в рамках традиционной теории метафоры [1; 6; 8; 9; 10]. Их авторы - авторитетные исследователи - тоже пользовались терминами «когнитивный» и «концептуальный» применительно к метафоре, но вкладывали в них иной смысл. Наконец, появляются работы, синтезирующие оба направления. Таким образом, наблюдается столкновение двух парадигм лингвистического знания, в которых одни и те же термины имеют разные значения. Складывается ситуация, когда факт называния метафоры когнитивной или концептуальной служит поводом причислять употребивших этот термин лингвистов к сторонникам когнитивного направления. Такова в общих чертах проблематика рассматриваемой в данной статье темы.

Ниже мы изложим суть понимания этих двух терминов в западной и отечественной лингвистике в конце 1970-х - в 1980-е гг. (начало собственно когнитивного периода за рубежом) с тем, чтобы показать, что факт использования терминов «когнитивный» и «концептуальный» не свидетельствует о единстве теоретической платформы исследователей. Цитируемые в данной статье работы зарубежных авторов относятся к 1990-м гг. XX в., но содержание указанных терминов в них по сравнению с 1980-ми гг. XX в. и современным периодом сохраняется неизменным.

Когнитивная лингвистика в том виде, в котором она возникла в Калифорнии в исследованиях лингвистов из Беркли и Сан Диего, отводит метафоре, по мнению М. Джонсона и Дж. Лакоффа, ведущую роль первичного когнитивного механизма, который упорядочивает и структурирует мышление и опыт человека, формирует абстрактное мышление [11; 12]. Утверждается, что метафора определяет мышление, поведение, научное познание и наиболее наглядно выражается в языке и речи. В этом состоит ее вездесущность (ubiquity, (all)omnipresence). Метафора в когнитивной лингвистике как явление, прежде всего, идеальное (в отличие от материальных проявлений в языке / речи) получила терминологические наименования «когнитивная метафора» и «концептуальная метафора» [12]. По Дж. Лакоффу, метафора - это «когнитивный инструмент для понимания абстрактных понятий и абстрактного мышления». («Metaphor is a cognitive tool we use to comprehend abstract concepts and perform abstract reasoning» [12, с. 244]); «один из ведущих когнитивных механизмов осмысления одного через другое» (досл.: «The cognitive mechanism for such conceptualizations is conceptual metaphor») [14, с. 45]. Термином «концептуальная метафора» Дж. Лакофф именуется ментальные проекции между концептуальными

областями источника и цели («cross-domain mappings from a source domain to a target domain») [14, с. 58]. Понятийная (концептуальная) область цели представлена понятиями, требующими осмысления, область источника состоит из понятий, посредством которых происходит осмысление нового. Когнитивной и концептуальной метафора признается в силу того, что она «реальность либо нейронного, либо концептуального уровня» («a reality at either the neural or conceptual level») [14, с. 58]. Из объяснений в главе 4 [14, с. 45-59] можно понять, что обсуждаемые термины относятся к двум уровням функционирования головного мозга. Когнитивная метафора как механизм соотносится с процессами, протекающими на уровне активации нейронных связей (уровень нейрофизиологической активности на языке нейропсихологии), концептуальная метафора - с уровнем мышления человека в понятиях, суждениях, умозаключениях. «Местом обитания» (локусом) первой является нейрофизиологический субстрат головного мозга, локусом второй - понятийное мышление, умственная деятельность. Концептуальная метафора объективируется в языке и речи лингвистической метафорой, а не наоборот. По лингвистическим метафорам (др. термины - метафорические выражения, объективации, реализации, рефлексии) можно опосредованно судить о метафоре в мышлении и о действии когнитивных метафорических процессов. Метафора - прежде всего в мышлении, а затем в практической деятельности, в том числе речевой. Таково понимание метафоры - когнитивной и концептуальной - в американской когнитивной лингвистике и за пределами США среди последователей когнитивного направления.

Эти же термины можно встретить в работах лингвистов Н.Д. Арутюновой, В.Н. Телия, Е.О. Опариной, позднее у О.Ю. Буйновой. Отечественная трактовка когнитивной метафоры в тот период существенно отличалась от американской школы когнитивистики. Когнитивной и концептуальной метафора в отечественных работах того времени была только по названию, но не по целям и методам исследования. Общее, что роднило отечественных исследователей с зарубежными коллегами-когнитологами, было признание связи и взаимообусловленности языка и мышления. Если для американцев эта идея была революционным достижением, ознаменовавшим переход от генеративной грамматики к когнитивной семантике, то приоритет в признании связи языка и мышления, а также разработка многих вопросов семантики принадлежит, несомненно, отечественной лингвистике (хотя научные достижения советского периода не выходили за пределы страны). Ниже покажем суть трактовки указанных терминов лингвистами, которые внесли весомый вклад в развитие отечественной метафорологии.

Когнитивная метафора у Н.Д. Арутюновой [1] выступает одним из функциональных типов языковой метафоры наряду с такими метафорами, как номинативная (перенос названия), образная идентифицирующая (переход дескриптивного значения в предикатное) и генерализирующая. Последнюю Н.Д. Арутюнова считает конечным результатом развития когнитивной метафоры. Когнитивная метафора служит созданию новых значений, как, например, изначально у слова острый в сочетании со словами ум, нужда, слово.

Метафорический перенос возникает в сфере предикации и касается признаков слов: при переходе «Ум острый» в «острый ум» уму присваивается чужой признак. Таким образом, метафоризация «возникает в результате сдвига в сочетаемости признаков слов и создает полисемию» [1, с. 340]. В приведенных ниже цитатах Н.Д. Арутюновой подчеркивается основное назначение когнитивной метафоры - создавать новые значения: «[И]з средств создания образа метафора превращается в способ формирования недостающих языку значений. Метафора - орудие не только наименования признака, но и самого выделения признака. Метафора и создает значение, и дает ему имя». «Вторичная предикация направлена на достижение гносеологических целей». «Предикатная метафора <...> служит задаче создания признаковой лексики «невидимых миров» - духовного начала человека» [1, с. 336].

Таким образом, характерными чертами когнитивной метафоры, по Арутюновой, являются следующие: 1) метафоризация предикатного значения признаков слов; 2) создание новых значений (понятий) в ходе метафорического переноса; 3) роль инструмента познания (гносеологическая роль). Подводя итог, когнитивная метафора, по Н.Д. Арутюновой, - это, во-первых, метафорический перенос в сфере предикатных слов, сопровождаемый появлением новых значений; во-вторых, результат такого переноса (когнитивная метафора понимается как старый знак, вторично наполненный новым содержанием).

Понимание когнитивной метафоры В.Н. Телия сходно с пониманием Н.Д. Арутюновой в том, что когнитивная метафора признается языковой метафорой. Типология метафор по выполняемой функции у В.Н. Телия включает идентифицирующие (или индикативные), предикативные, оценочные, эмотивные (оценочно-экспрессивные) и образные. Она считает, что некоторые из этих типов «приводят к формированию нового значения» [9, с. 193], то есть обладают «когнитивной функцией». Их она называет когнитивными.

Таким образом, когнитивная (она же концептуальная) метафора, по В.Н. Телия, - это один из функциональных типов языковой метафоры, способный формировать «новые концепции в области обозначения непредметной действительности» [9, с. 193]. Показательно то, что рассуждения В.Н. Телия о когнитивной метафоре становятся той точкой роста нового знания, которому требуется иная парадигма, без которой оно оказывается уже несовместимым с породившими ее функционально-структурными и семиотическими взглядами на метафору, отсюда возникают противоречия. Время показало, что когнитивную метафору следует рассматривать в ряду других объектов и с иных методологических позиций.

Как явствует из последней цитаты В.Н. Телия, приведенной выше (тот же год), термин «концептуальный» появляется вместо термина «понятийный»: когнитивный = концептуальный = понятийный. В дальнейшем, говоря о когнитивной метафоре и новых понятиях, лингвисты все чаще обращаются к терминам «концепт» и «концептуальный».

Термином «концептуальный» вместо «когнитивный» пользуется Е.О. Опарина, тоже применительно к способности метафоры породить новые

значения. Она переносит название «концептуальный» по смежности с функции на саму метафору. Придерживаясь взглядов В.Н. Телия, Е.О. Опарина устраняет противоречивость концепции В.Н. Телия в вопросе об идентифицирующих метафорах. Факт двойственности некоторых идентифицирующих метафор, способных выступать в качестве когнитивных, она объясняет тем, что «[в] метафорах, обозначающих непредметные сущности (круг понятий, зерно истины, ..., way of life, generation gap), направленность на формирование концептов обуславливает совмещение функций: номинативной и концептуальной» [6, с. 66]. Е.О. Опариной удалось устранить противоречивость концепции В.Н. Телия возвращением метафоры в русло традиционной лингвистики, признающей, что в акте номинации знак схватывает некое ментальное содержание.

Так, в отечественной лингвистике понимание когнитивной функции метафоры как способности формировать новое значение, а в науке - понятия (или концепта), привела к возникновению ряда ассоциативно связанных между собой терминов: «когнитивная функция метафоры» (перенос по смежности) «когнитивная метафора» (научная метафора) «концептуальная метафора».

Спустя десятилетие встречается несколько иная трактовка понятий, но она по-прежнему в пределах лингвистической теории метафоры. О.Ю. Буйнова исходит из дихотомической оппозиции метафор: метафора в языке и метафора в мире. Метафора в языке порождает новые оттенки значения и выступает в качестве механизма развития семантической структуры слова. Метафора в мире, для которой она предлагает альтернативное название «концептуальная метафора», создает новые понятия и образы. На начальном этапе такая метафора воспринимается как семантически двуплановое образование. Она стремится избавиться от образа, с течением времени он стирается, а значение имеет тенденцию к генерализации [4, с. 57]. Термин «когнитивная метафора» Буйнова употребляет синонимически наряду с термином «концептуальная метафора» [4, с. 61].

Как мы видим, введенные в лингвистический обиход термины «когнитивная метафора» и «концептуальная метафора» в последние десятилетия XX в. соотносились с их зарубежными аналогами только формально (по названию). Во-первых, они употреблялись синонимично [5, с. 28]), во-вторых, рассматривались в качестве орудия преодоления ограниченности языкового ресурса для выражения новых понятий, особенно научных, в третьих, природа метафор а priori признавалась лингвокогнитивной вследствие традиции отечественных лингвистов мыслить в терминах связи языка и мышления. Для зарубежных лингвистов - последователей Дж. Лакоффа - когнитивная метафора - это механизм активации нейронных связей (нейрофизиологический уровень функционирования головного мозга), а концептуальная метафора - это проекция между понятийными областями (уровень понятийного мышления).

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры // Известия АН СССР. Сер. Литература и языкознание. – 1978. – Т. 37. – №4. – С. 333–343.
2. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. – М. : Знак, 2008. – 656 с.
3. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации: монография. – М. : Наука, 2008. – 248 с.
4. Буйнова О.Ю. Универсальные и специфические черты процесса метафоризации // Лингвистические исследования. К 75-летию профессора В.Г.Гака. – Дубна : Феникс+, 2001. – С. 49–65.
5. Кимов Р.С. Метафора и метонимия как когнитивные и эпистемические механизмы формирования языковой картины мира. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2010. - 183 с.
6. Опарина Е.О. Концептуальная метафора // Метафора в языке и тексте. - М.: Наука, 1988. - С. 65-78.
7. Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика: курс лекций. - СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2011. – 256 с.
8. Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. - М. : Наука, 1988. – С. 26–52.
9. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и языковая картина мира. – М. : Наука, 1988. – С. 173–204.
10. Телия В.Н. Послесловие // Метафора в языке и тексте. – М. : Наука, 1988. – С. 170-172.
11. Johnson M. The Body in the Mind: The bodily Basis of Meaning, Reason and Imagination. – Chicago: Chicago University Press, 1997. – 272 p.
12. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought, edited by Andrew Ortony. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – Pp. 202–51.
13. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by / J. Lakoff, M. Johnson, 2nd edition. – Chicago : University of Chicago Press, 2003. – 276 p.
14. Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought / G. Lakoff, M. Johnson. – New York, NY: Basic Books, 1999. – 624 p.